

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ

съ тѣмъ , чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсур-
ный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ.

Санктпетербургъ , Августа 31 дня 1857 года.

Ценсоръ *А. Никитенко.*

17-5852

ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ВОСПИТАНИКАМЪ

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ

ЗАВЕДЕНІЙ.

Изящная Словесность.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

I.

ШИЛЬОНСКІЙ УЗНИКЪ.

Взгляните на меня: я съдъ!

Но не отъ хилости и лѣтъ!

Не страхъ незапный въ почъ одну

До срока далъ мнѣ съдину!

Я сгорбленъ, лобъ наморщенъ мой!

Но не труды, не хладъ и зной —

Тюрьма разрушила меня!

Лишенный сладостнаго дня,

Дыша безъ воздуха, въ цѣпяхъ,
Я медленно дряхлѣлъ и чахъ,
И жизнь казалась безъ конца!
Удѣлъ несчастнаго отца:
За вѣру — смерть и стыдъ цѣпей,
Удѣломъ сталъ и сыновей!
Насъ было семь — шести ужъ нѣтъ!
Отецъ, страдалецъ съ юныхъ лѣтъ,
Погибшій старцемъ на кострѣ,
Два брата, падшіе во прѣ,
Отдавъ на жертву честь и кровь,
Спасли души своей любовь!
Три заживо схоронены
На днѣ тюремной глубины —
И двухъ сожрала глубина!
Лишь я, развалина одна,
Себѣ на горе уцѣлѣлъ,
Чтобъ ихъ оплакивать удѣлъ.

На лонѣ водъ стоитъ Шильонъ;
Тамъ въ подземельѣ семь колоннъ,
Покрытыхъ влажнымъ мохомъ лѣтъ.
На нихъ печальный брежжетъ свѣтъ:
Лучъ, ненарокомъ съ вышины
Упавшій въ трещину стѣны
И заронившійся во мглу;
И на сыромъ тюрьмы полу
Онъ свѣтитъ тускло-одинокъ,
Какъ надъ болотомъ огонекъ,
Во мракѣ вѣющій ночною.
Колонна каждая съ кольцомъ;
И цѣпи въ кольцахъ тѣхъ висятъ;
И тѣхъ цѣпей желѣзо — ядъ!

Мнѣ въ члены вгрызлося оно!
Не будетъ ввѣкъ истреблено
Клеймо, нарѣзанное имъ!
И день тяжелъ глазамъ моимъ,
Отвыкнувшимъ съ толь давнихъ лѣтъ
Глядѣть на радующій свѣтъ;
И къ волѣ я душой остылъ
Съ тѣхъ поръ, какъ братъ послѣдній былъ
Убитъ неволей предо мной,
И рядомъ съ мертвымъ я живой
Терзался на полу тюрьмы!

Цѣпями тѣми были мы
Къ колоннамъ тѣмъ пригвождены,
Хоть вмѣстѣ, но разлучены;
Мы шагу не могли ступить;
Въ глаза другъ друга различить,
Намъ блѣдный мракъ тюрьмы мѣшалъ;
Онъ намъ лице чужое далъ —
И братъ сталъ брату незнакомъ.
Была услада намъ въ одномъ:
Другъ другу голосъ подавать,
Другъ другу сердце пробуждать:
Иль былью славной старины,
Иль звучной пѣснью войны; —
Но скоро тоже и одно
Во мглѣ тюрьмы истощено!
Нашъ голосъ страшно одичалъ!
Онъ хриплымъ отголоскомъ сталъ
Глухой тюремныя стѣны;
Онъ не былъ звукомъ старины,
Увы! подобно намъ самимъ
Тогда и вольнымъ и живымъ!

Мечта ль? . . . но голосъ ихъ и мой
Всегда звучалъ мнѣ какъ чужой!

Изъ насъ троихъ я старшій былъ!

Я жребій собственный забылъ,

Дыша заботою одной,

Чтобъ имъ не дать упасть душой!

Нашъ младшій братъ, любовь отца

Увы! черты его лица,

И глазъ умильная краса,

Лазоревыхъ, какъ небеса,

Напоминали нашу мать!

Онъ былъ мнѣ все! и увидать

При мнѣ былъ долженъ милый цвѣтъ,

Прекрасный, какъ тотъ дневный свѣтъ,

Который съ неба мнѣ свѣтилъ,

Въ которомъ я на волѣ жилъ;

Какъ утро, былъ онъ чистъ и живъ!

Умомъ младенчески-игривъ;

Безпечно-веселъ самъ съ собой. . .

Но передъ горестью чужой

Изъ голубыхъ его очей,

Бежали слезы, какъ ручей!

Другой былъ столь же чистъ душой!

Но духъ имѣлъ онъ боевой!

Могучъ и крѣпокъ въ цвѣтъ лѣтъ,

Радъ вызвать къ битвѣ цѣлый свѣтъ,

И въ первый рядъ на смерть готовъ. . .

Но безъ терпѣнья для оковъ!

И онъ отъ звука ихъ завялъ!

Я чувствовалъ, какъ погибалъ,

Какъ медленно въ печали гасъ

Нашъ братъ, незримый намъ, близъ насъ!

Онъ былъ стрѣлокъ, жилецъ холмовъ,
Гонитель вепрей и волковъ —
И гробъ тюрьма ему была!
Неволи сила не снесла!

Шильонъ Леманомъ окружонъ,
И водъ его со всѣхъ сторонъ
Неизмѣрима глубина;
Въ двойную волны и стѣна
Тюрьму совокупились тамъ;
Печальный сводъ, который намъ
Могилой за-живо служилъ,
Изрытъ въ скалѣ подводной былъ;
И день и ночь была слышна
Въ него бѣющая волна
И шумъ надъ нашей головой
Струй, отшибаемыхъ стѣной!
Случалось — бурей до окна
Бывала взброшена волна,
И брызговъ дождь насъ окроплялъ!
Случалось — вихоръ бушевалъ,
И содрогалася скала!
И съ жадностью душа ждала,
Что рухнетъ и задавить насъ:
Свободой былъ бы смертный часъ!

Середній братъ нашъ — я сказалъ —
Душей скорбѣлъ и увядалъ.
Уныль, угрюмъ, ожесточенъ —
Отъ пищи отказался онъ:
Тѣда тюремная жестка!
Но для могучаго стрѣлка
Нужду переносить легко!
Для насъ Альпійскихъ козь млеко

Смѣнила смрадная вода;
А хлѣбъ нашъ былъ, какой всегда —
Съ тѣхъ поръ, какъ цѣпи созданы —
Слезами смачивать должны
Невольники въ своихъ цѣпяхъ!
Не отъ нужды скорбѣлъ и чахъ
Мой братъ! равно завялъ бы онъ
И изобильемъ окружонъ,
Безъ воли! . . и почто молчать!
Онъ умеръ! . . я жъ ему подать
Руки не могъ въ послѣдній часъ!
Не могъ закрыть потухшихъ глазъ!
Вотще я цѣпи грызъ и рвалъ —
Со мною рядомъ умиралъ
И умеръ братъ мой, одинокъ!
Я близко былъ и былъ далекъ!
Я слышать могъ, какъ онъ дышалъ,
Какъ онъ дышать переставалъ,
Какъ вздрагивалъ въ цѣпяхъ своихъ,
И какъ ужасно вдругъ затихъ
Во глубинѣ тюремной мглы! . . .
Они, снявъ съ трупа кандалы,
Его безъ гроба погребли
Въ холодномъ лонѣ той земли,
На коей онъ невольникъ былъ!
Вотще я ихъ въ слезахъ молилъ,
Чтобъ брату тамъ могилу дать,
Гдѣ могъ бы дневный лучъ сіять!
То мысль безумная была,
Но душу мнѣ она зажгла:
Чтобъ воленъ былъ хоть въ гробъ онъ!
«Въ темницѣ (мнилъ я) мертвыхъ сонъ

Не тихъ!..» Но былъ отвѣтъ слезамъ —
Холодный смѣхъ! и братъ мой тамъ,
Въ сырой землѣ тюрьмы, зарытъ!
И въ головахъ его виситъ
Пукъ имъ оставленныхъ цѣпей:
Убійцъ достойный мавзолей!

Но онъ — нашъ милый, лучший цвѣтъ,
Нашъ Ангелъ съ колыбельныхъ лѣтъ,
Сокровище семьи родной,
Онъ — образъ матери душой
И чистой прелестью лица;
Мечта любимая отца;
Онъ — для кого я жизнь щадилъ:
Чтобъ онъ бодрѣй въ неволѣ былъ,
Чтобъ послѣ могъ и воленъ быть!
Увы!.. онъ долго могъ сносить
Съ младенческой тишиной,
Съ терпѣньемъ яснымъ жребій свой!
Не я ему, онъ для меня
Подпорой былъ!.. вдругъ день отъ дня
Сталъ упадать, ослабѣвалъ,
Грустилъ, молчалъ и молча вялъ!...
О Боже! Боже! страшно зрѣть,
Какъ силится преодолѣть
Смерть человѣка!.. Я видалъ,
Какъ ратникъ въ битвѣ погибалъ!
Я видѣлъ, какъ пловецъ тонулъ
Съ доской, къ которой онъ прильнулъ
Съ надеждой гибнущей своей!
Я зрѣлъ, какъ издыхалъ злодѣй
Съ свирѣпой дикостью въ чертахъ,
Съ богохуленьемъ на устахъ,

Пока ихъ смерть не заперла!
Но *тамъ* былъ страхъ — *здѣсь* скорбь была,
Болѣзнь глубокая души!
Смирненнымъ Ангеломъ, въ тиши,
Онъ гасъ, столь кротко-молчаливъ,
Столь безнадежно-терпѣливъ,
Столь грустно-томень, нѣжно-тихъ,
Безъ слезъ, лишь помня о своихъ
И обо мнѣ... увы! — онъ гасъ,
Какъ радуга, павшая насъ,
Прекрасно гаснетъ въ небесахъ!
Ни вздоха скорби на устахъ!
Ни ропота на жребій свой!
Лишь слово изрѣдка со мной
О нашихъ прошлыхъ временахъ,
О лучшихъ будущаго дняхъ,
О упованьи... Но объять
Сей тратой, горшею изъ тратъ,
Я былъ въ свирѣпомъ забытьи!
Вотще, кончаясь, онъ свои
Терзанья смертныя скрывалъ...
Вдругъ рѣже, трепетнѣе сталъ
Дышать, и вдругъ умолкнулъ онъ!...
Молчаньемъ страшнымъ пробужденъ,
Я вслушиваюсь... тишина!
Кричу, какъ бѣшенный... стѣна
Откликнулась... и умеръ гуль!
Я цѣпь отчаянно рвануль
И вырвалъ!... къ брату!... брата нѣтъ!
Онъ на столбѣ — какъ вешній цвѣтъ,
Убитый хладомъ — предо мной
Висѣлъ съ опущенной главой!

Я руку тихую поднѣлъ!
Я чувствовалъ, какъ исчезалъ
Въ ней слѣдъ послѣдней теплоты!
И, мнилось, были отняты
Всѣ силы у души моеѣ!
Все страшно вдругъ сперлося въ ней!
Я дико по тюрьмѣ бродилъ, —
Но въ ней покой ужасный былъ,
Лишь вѣялъ отъ стѣны сырой,
Какой-то холодъ гробовой!
И взоръ на мертваго вперивъ,
Я зналъ лишь смутно, что я живъ!
О сколько муки въ знаньи томъ,
Когда мы тутъ же узнаемъ,
Что милому уже не быть!
И мигъ сей могъ я пережить!
Не знаю — вѣра ль то была!
Иль хладность къ жизни жизнь спасла!

Но что потомъ сбилось со мной,
Не помню!.. свѣтъ казался тьмой,
Тьма свѣтомъ; воздухъ исчезалъ;
Въ оцпенѣннн стоялъ,
Безъ памяти, безъ бытiя,
Межъ камней хладнымъ камнемъ я!
И видѣлось, какъ въ тяжкомъ снѣ,
Все блѣднымъ, темнымъ, тусклымъ мнѣ!
Все въ мутную слилося тѣнь!
То не было ни ночь, ни день,
Ни тяжкiй свѣтъ тюрьмы моеѣ,
Столь ненавистный для очей!
То было тьма безъ темноты!
То было бездна пустоты

Безъ протяженья и границъ!
То были образы безъ лицъ!
То страшный міръ какой-то былъ,
Безъ неба, свѣта и свѣтилъ,
Безъ времени, безъ дней и лѣтъ,
Безъ Промысла, безъ благъ и бѣдъ;
Ни жизнь, ни смерть — какъ сонъ гробовъ!
Какъ океанъ безъ береговъ,
Задавленный тяжелой мглой,
Недвижный, темный и нѣмой!

Вдругъ лучъ незапный постѣтилъ
Мой умъ... то голосъ птички былъ!
Онъ умолкалъ! онъ снова пѣлъ!
И мнилось, съ неба онъ летѣлъ!
И былъ утѣшно сладокъ онъ!
Имъ очарованъ, оживленъ,
Заслушавшись, забылся я!
Но не надолго!.. мысль моя
Стезей привычною пошла!
И я очнулся... и была
Опять передо мной тюрьма!
Молчанье тоже, таже тьма!
Какъ прежде, блѣдною струей
Прокрадывался лучъ дневной
Въ стѣнную скважину ко мнѣ...
Но тамъ же, въ свѣтъ, на стѣнѣ
И мой пѣвецъ воздушный былъ!
Онъ трепеталъ, онъ шевелилъ
Своимъ лазоревымъ крыломъ;
Онъ озаренъ былъ яснымъ днемъ;
Онъ пѣлъ привѣтно надо мной...
Какъ много было въ пѣсни той!

И все, казалось, про меня!
Ни разу до того я дня
Ему подобнаго не зрѣлъ!
Какъ я, казалось, онъ скорбѣлъ
О братъ, и покинуть бѣлъ!
И онъ съ любовью навѣстилъ
Меня тогда, какъ ни однимъ
Ужъ сердцемъ не былъ я любимъ!
И въ сладость пѣснь его была:
Душа невольно ожила!
Но кто жъ онъ самъ былъ, мой пѣвецъ?
Свободный ли небесъ жилецъ?
Или недавно изъ цѣпей
По случаю къ тюрьмѣ моей,
Играя въ небѣ, залетѣлъ
И о свободѣ мнѣ пропѣлъ!
Скажу ль?.. мнѣ думалось порой,
Что у меня былъ не земной,
А райскій гость! что братнїй духъ
Порадовать мой взоръ и слухъ
Примчался птичкою съ небесъ...
Но утѣшитель вдругъ исчезъ!
Онъ улетѣлъ въ сіянье дня!..
Нѣтъ! нѣтъ! то не былъ братъ!.. меня
Покинуть такъ не могъ бы онъ,
Чтобъ я съ нимъ дважды разлучонъ,
Остался вдвое одинокъ,
Какъ трупъ межъ гробовыхъ досокъ!
Вдругъ новое въ судьбѣ моей:
Въ душѣ тюремныхъ сторожей
Какъ будто жалость путь нашла!
Дотолъ ихъ душа была

Безчувственный желѣзь моихъ!
И что разжалобило ихъ,
Что милость вымолило мнѣ,
Не знаю!.. но опять къ стѣнѣ
Уже прикованъ не былъ я!
Оборванная цѣпь моя
На шеѣ билася моею!
И по тюремѣ я, вмѣстѣ съ ней,
Вдоль стѣнъ, кругомъ столбовъ, бродилъ,
Не смѣя братнихъ лишь могилъ
Дотронуться моею стопой,
Чтобы послѣднія земной
Святыни тамъ не оскорбить.

И мнѣ оковами прорыть
Ступени удалось въ стѣнѣ;
Но воля не входила мнѣ
И въ мысли... я былъ сирота!
Миръ сталъ чужой мнѣ; жизнь пуста!
Съ тюрьмой я жизнь сдружилъ мою!
Въ тюрьмѣ я всю свою семью,
Все — что знавалъ, все — что любилъ
Невозвратно схоронилъ,
И въ области веселой дня
Никто ужъ не жилъ для меня!
Безъ мѣста на пиру земномъ,
Я былъ бы лишній гость на немъ,
Какъ облако, при ясномъ днѣ,
Потерянное въ вышинѣ,
И въ радостныхъ его лучахъ
Не нужное на небесахъ!...
Но мнѣ хотѣлось бросить взоръ
На красоту знакомыхъ горъ,

На ихъ утесы, ихъ лѣса,
На слиты съ ними небеса!

Я ихъ увидѣлъ — и онѣ
Всѣ были тѣжъ: на вышинѣ
Въками созданны снѣга,
Подъ ними Альпы и луга,
И бездна озера у ногъ;
И Роны блестящій потокъ
Между зеленыхъ береговъ;
И слышанъ былъ мнѣ шумъ ручьевъ,
Бѣгущихъ, бьющихъ по скаламъ;
И по лазоревымъ водамъ
Сверкали ясны облака;
И быстрый парусъ челнока
Между небесъ и водъ летѣлъ;
И хижины веселыхъ селъ
И кровы свѣтлыхъ городовъ
Сквозь паръ мелькали вдоль береговъ!...
И я примѣтилъ островокъ:
Прекрасенъ, свѣжъ, но одинокъ
Въ пространствѣ былъ онъ голубомъ;
Цвѣли три дерева на немъ;
И горный воздухъ вѣялъ тамъ
По муравъ и по цвѣтамъ,
И воды были тамъ живѣй,
И обвивалися нѣжный
Кругомъ родныхъ береговъ онѣ;
И видѣлъ я: къ моей стѣнѣ
Челнокъ съ пловцами приставалъ,
Гостилъ у берега, отплывалъ,
И — при свободномъ вѣтеркѣ,
Летя, скрывался вдалекѣ!

И въ облакахъ орель игралъ!
И никогда я не видалъ
Его столь быстрымъ: — то къ окну
Спускался онъ, то въ вышину
Взметалъ; — за нимъ душа рвалась,
И слезы новыя изъ глазъ

Пошли, и новая печаль
Мнѣ сжала грудь. . . Мнѣ стало жаль
Моихъ покинутыхъ цѣпей!

Когда жъ на дно тюрьмы моей
Опять сойти я долженъ былъ —

Меня, казалось, обхватилъ
Холодный гробъ; казалось, вновь
Моя послѣдняя любовь,

Мой милый братъ передо мной
Былъ взять несытою землей;

Но какъ ни тяжело ныла грудь
Чтобъ отъ страданья отдохнуть,

Мнѣ мракъ тюрьмы отрадой былъ!

День приходилъ — день уходилъ —

Шли годы — я ихъ не считалъ!

Я, мнилось, память потерялъ

О переменахъ на земли!

И люди наконецъ пришли

Мнѣ волю бѣдную отдать!

За что и какъ, о томъ узнать

И не помыслилъ я, — давно

Считать привыкъ я за одно:

Безъ цѣпи ль я, въ цѣпяхъ ли былъ!

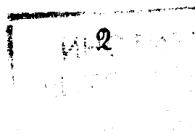
Я безнадежность полюбилъ!

И имъ я холодно внималъ,

И равнодушно цѣпь скидалъ,

И подземелье стало вдругъ
Мнѣ милой кровлей... тамъ все другъ,
Все однодomeцъ было мой!
Паукъ темничный надо мной
Тамъ мирно ткалъ въ моемъ окнѣ;
За рѣзвой мышью, при 'лунѣ,
Я тамъ подсматривать любилъ;
Я къ цѣпи руку приучилъ,
И... столь себѣ не вѣрны мы!...
Когда за дверь своей тюрьмы
На волю я перешагнулъ —
Я о тюрьмѣ своей вздохнулъ!

ЖУКОВСКИЙ.

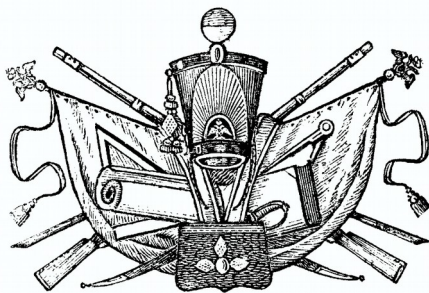
ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЧТЕНІЯ

ВОСПИТАНИКАМЪ

ВОЕННО-УЧЕБНЫХЪ ЗАВЕДЕНІЙ.

Томъ осьмый. № 29.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФІИ И. И. ГЛАЗУНОВА И К^о.

1837.

